

Глава X

В.Г. БОГОРАЗ И ЕГО УЧЕНИКИ

Во второй половине 20-х годов В.Г. Богораз был одним из наиболее авторитетных представителей «старой этнографической школы» среди сотрудников музея. Напомним, что впервые он начал сотрудничать с МАЭ в 1899 г. Чтобы понять его некоторые высказывания 30-х годов, необходимо привести свидетельство 1901 г., характеризующее личность В.Г. Богораза: «Однажды заспорили при нем двое: чаплинец и приезжий. Каждый доказывал истинность своей мысли. Словесный поединок тянулся долго, наконец спорщики устали и обратились к Богоразу. <...> “Если учесть твой возраст, как ты живешь, то, наверное, и я, будучи на твоём месте, думал и рассуждал бы точно так же, как ты”. Повернувшись ко второму, Богораз сказал: “Ты тоже прав: каждый, попав в условия, в которых находишься ты, наверняка доказывал бы свою правоту твоими словами”. Старуха-хозяйка, молча резавшая мясо, не выдержала и вмешалась: “Но не могут быть правыми две спорящие стороны!” — “И ты, несомненно, права”, — смеясь, ответил ей Танапыстак (В.Г. Богораз. — С.К.)» [Тропою 2008: 30].

Если в 1901 г. стремление В.Г. Богораза к компромиссу вызывало улыбку, то во второй половине 20-х годов отношение к нему оппонентов будет другим. Одновременно с приходом на постоянную работу в музей В.Г. Богораз активно включился в преподавательскую деятельность и читал лекции в нескольких вузах Петрограда/Ленинграда, он подготовил целое поколение этнографов. Все молодые сотрудники отдела Америки, пришедшие на работу в 1920–1930-е годы, были его учениками: Ю.П. Аверкиева, Э.В. Зиберт, Н.Г. Шпринцин, А.В. Мачинский и М.В. Степанова. Среди специалистов по народам Сибири учениками В.Г. Богораза были А.С. Форштейн, Н.Б. Шнакенбург, Е.П. Орлова, В.П. Хабаров и др. Они проводили полевые исследования среди азиатских эскимосов и алеутов Командорских островов.

Сотрудничество с датскими исследователями

После революции возобновление деловых связей с зарубежными коллегами произошло во время работы XXI Международного конгресса американистов. Его сессии в августе 1924 г. прошли в Гааге (Голландия) и Гетеборге (Швеция). На конгрессе присутствовали Ф. Боас и Роберт Лоуи (1883–1957) из США, В. Тальбицер, Кай Биркет-Смит (1893–1977) и Теркель Матиассен (1892–1957) из Дании, Эрланд Норденшельд (1877–1932) из Швеции, Марсель Мосс (1872–1950) и Поль Риве (1876–1958) из Франции и др. От МАЭ в работе конгресса участвовали В.Г. Богораз и Л.Я. Штернберг. В.Г. Богораз представил доклады «Новые задачи этнографических исследований в полярных областях» и «Ранние переселения эскимосов между Азией и Америкой».

Датские этнографы Т. Матиассен и К. Биркет-Смит незадолго до начала конгресса вернулись с севера Америки, где они работали в составе знаменитой пятой экспедиции Туле под руководством Кнуда Расмуссена (1879–1933). Участниками этой экспедиции был исследован громадный район арктического побережья Северной Америки — от Гудзонова залива на востоке Канады до Берингова пролива на западе. К. Биркет-Смит изучал тогда малоизвестных эскимосов-карибу, живших вдали от морского побережья и занимавшихся не промыслом морского зверя, как другие эскимосы, а охотой на оленей-карибу. К. Расмуссен в сопровождении двух помощников-эскимосов в период с марта 1923 г. по май 1924 г. прошел на лыжах и проехал в собачьей упряжке вдоль всего арктического побережья Канады и Аляски и побывал в стойбищах, жители которых еще не встречали европейцев.

К. Расмуссен не участвовал в работе конгресса, так как в то время он находился на Аляске. Он считал, что работа пятой экспедиции Туле может быть окончательно завершена только после археологических исследований на Чукотке. Н.А. Галкин писал о встрече с К. Расмуссеном, состоявшейся 18 сентября 1924 г. в поселке Уэлен: «С американского берега пришла шхуна “Teddy bear”. Приехал датский путешественник, этнограф Кнуд Расмуссен. Он с 1921 г. занят изучением гренландских эскимосов и теперь приехал с этой же целью к нам. Возбудив ходатайство перед Москвой, разрешения он не дождался, а поэтому здешняя власть предложила ему поехать в сопровождении милиционера на два-три дня

в Наукан, но он отказался и уехал обратно. Зимой через Анадырь разрешение было получено. С Расмуссеном в качестве кинооператора приезжал гренландский эскимос. Оказалось, что этот гренландец мог свободно объясняться с нашими науканцами» [Галкин 1929: 40].

В своих докладах, представленных на XXI Международном конгрессе американистов, Т. Матиассен и К. Биркет-Смит пришли к выводу о древнем единстве эскимосской культуры на всей территории американской Арктики — от Гренландии до Берингова пролива. В.Г. Богораз поддержал это заключение: «Я со своей стороны попытался в докладе о древних переселениях эскимосов между Азией и Америкой продолжить эту связь на основании материалов, собранных мною на азиатском берегу...» [Богораз 1926: 130].

В другой статье В.Г. Богораз писал: «Я старался развернуть довольно сложную серию аргументов лингвистических, фольклорных и географических в пользу того, что азиатская ветвь эскимосов является наиболее древней из всех и что в связи с этим все переселения эскимосов двигались в одном направлении — с запада на восток. Считая преждевременным и неосторожным высказывать решительное мнение по такому еще недостаточно разработанному вопросу, я все же подверг американскую точку зрения довольно подробной критике, и присутствовавшие на докладе специалисты-эскимосологи не представили никаких возражений ни на докладе, ни впоследствии при частном обсуждении вопроса» [Богораз 1927а: 39].

Что касается К. Расмуссена, то провести кратковременные полевые исследования на Чукотке ему удалось только в 1925 г., когда один из отрядов пятой экспедиции Туле пересек Берингов пролив и высадился в поселке Уэлен. Во время археологических разведок и путем обмена с местными жителями датские исследователи приобрели 164 предмета [Mathiassen 1930]. К. Расмуссен писал: «Я вижу <...> чукчанок в меховых одеждах. <...> Для всех этих людей сегодня обычные будни, <...> для меня — переживание, которому я едва осмеливаюсь верить. Ведь этот ландшафт и эти люди означают, что я в Сибири, к западу от самого окраинного эскимосского племени, и, стало быть, моя экспедиция завершена» [Расмуссен 1958: 18].

В апреле 1926 г. Ленинград посетил К. Биркет-Смит. Он предполагал, что в древности эскимосы жили во внутренних районах

Канады и занимались сухопутной охотой, позднее они вышли на морское побережье и перешли к охоте на морских животных. Наследниками древнейшей эскимосской культуры К. Биркет-Смит считал эскимосов-карибу. В МАЭ и этнографическом отделе Русского музея К. Биркет-Смит изучал коллекции по народам Сибири, чтобы найти «связи и сходства (в культуре народов Сибири. — С.К.) с материальной культурой этой древней протоэскимосской ступени» [Богораз 1927а: 43].

В середине 20-х годов В.Г. Богораз работал над сравнительным изучением культуры народов Евразии и Америки: саамов Скандинавии, ненцев полуострова Ямал, народов Чукотки и эскимосов Аляски. Он использовал не только этнографические сведения, но и данные зоологии и ботаники. О распространении видов животных и растений на стыке Сибири и Аляски В.Г. Богораз консультировался с зоологом академиком Петром Петровичем Сушкиным (1868—1928). В.Г. Богораз хотел найти пути миграции населения Евразии, которое в процессе расселения перешло Берингов пролив и оказалось в Америке.

Некоторые положения этого исследования он изложил в статье «Древние переселения народов в северной Евразии и в Америке»: «Все эти племена, вымершие и ныне живущие, сохранившие свою культуру и язык или ассимилированные соседями, следует объединить в одну общую группу, по имени не палеоазиатскую, а скорее праазиатскую. Лопари будут представлять европейскую ветвь этой праазиатской группы и, может быть, мост от древнейшего населения северной Азии к такому же древнему населению северной и средней Европы, предшествовавшему индоевропейцам и также финнам. К этому широкому обобщению примыкает и новейшее построение Kaj Birket Smith'a в предварительном отчете Датской этнографической и географической экспедиции, дополненное личными сообщениями во время его недавнего приезда в Ленинград. Это построение предполагает древнейшую стадию эскимосской культуры, возникшую во внутренней стране, далеко от морского берега, и основанную на сухопутной охоте и рыбной ловле в тундренных озерах» [Там же: 42—43].

Предположения К. Биркет-Смита о том, что «внутренней страной», где эскимосы сформировались как народ, были внутренние области Канады, в дальнейшем не подтвердились. Как показали археологические исследования, предки эскимосов-карибу

лишь несколько столетий назад из-за ухудшения условий охоты на китов покинули морское побережье, переселились в тундру и стали заниматься охотой на оленей-карибу. Во время пребывания в Ленинграде К. Биркет-Смит заключил соглашение с руководством МАЭ об обмене коллекциями. В 1928 г. музей получил из Копенгагена коллекцию по эскимосам Канады, собранную в 1921–1924 гг. участниками пятой экспедиции Туле (№ 3992).

Экспедиция А.С. Форштейна к азиатским эскимосам (1927–1929)

После посещения К. Биркет-Смитом Ленинграда В.Г. Богораз начал работу по организации экспедиции к азиатским эскимосам. В 1927 г. его официально утвердили руководителем Чукотской этнографической экспедиции. Для проведения предварительных исследований он отправил на Чукотку студента-этнографа А.С. Форштейна.

Александр Семенович Форштейн (1904–1968) родился в городе Марселе во Франции в семье эмигрантов из России. Уже в детстве он говорил на французском, английском и русском языках. В 1911 г. вместе с родителями вернулся в Россию, в 1926 г. поступил на этнографическое отделение географического факультета ЛГУ. Проучившись в университете один год, 23-летний А.С. Форштейн отправился на Чукотку для проведения полевых исследований среди чукчей и азиатских эскимосов. Планировалось, что он займет должность руководителя школы поселка Уэлен, но оказалось, что эта вакансия уже занята. О педагогической работе А.С. Форштейна среди эскимосов, но без упоминания его фамилии, Г.А. Меновщиков писал: «В 1927/28 учебном году в эскимосских поселках Наукан, Чаплино (Унгазик. — С.К.), Урелики и Имтук впервые организуются начальные школы. Первые русские учителя, приехавшие с “Большой земли”, несмотря на то что эскимосы с большой охотой и радостью отнеслись к организации школ в их поселках, сталкивались в своей работе с невероятными трудностями при организации школьного дела. В эскимосских селениях Имтук и Урелики не было в то время даже школьных помещений, и детей приходилось обучать в пологе, где одновременно находились все члены семьи. Учащиеся обычно садились на кожаный пол полога в два-три ряда. При этом сидящие в первом ряду писали на

маленьких ящиках из-под патронов, а те, кто располагался сзади, пристраивали тетради на спинах своих товарищей. От жирников сильно пахло, в пологе становилось душно, поэтому как учащиеся, так и учитель быстро уставали. Но, несмотря на трудности, работа в школе не прекращалась» [Меновщиков 1959: 137–138].

По данным И.И. Крупника и Е.А. Михайловой, вторую половину 1927 г. и большую часть 1928 г. А.С. Форштейн провел в селении Унгазик на мысе Чаплино. Отсюда он совершил несколько кратковременных поездок в соседние эскимосские поселки. Зимой и летом 1928 г. он побывал в селении Сиклюк, весной ездил в поселки юго-восточной Чукотки — Имтук и Сиреники. Также он предпринял поездку на север, в селение Наукан на мысе Дежнева и в селение Имаклик, расположенное на острове Ратманова (Большой Диомид) в Беринговом проливе [Крупник, Михайлова 2006: 202–205]. О встрече с А.С. Форштейном в августе 1928 г. писатель Б.М. Лапин сообщает: «В Чаплине он организовал школу для эскимосских детей. Попутно он составляет грамматику и словарь наречия азиатских эскимосов. По-эскимосски он говорит совершенно свободно. Он приехал на культбазу для того, чтобы выждать приезда торговых шхун Кнудсена, который в прошлом году обещал доставить ему ряд американских книг по морфологии индейских языков из работ Джезуповской Тихоокеанской экспедиции» [Лапин 1930: 81].

А.С. Форштейн собрал интересную коллекцию по традиционной культуре азиатских эскимосов и сделал более 140 фотографий. В настоящее время в фондах отдела Сибири находятся этнографические коллекции А.С. Форштейна по азиатским эскимосам № 4211 (передана в 1929 г.) и № 5417 (передана в 1936 г.), а также фотоколлекция № И-429 [Решетов 2002: 278]. И.И. Крупник и Е.А. Михайлова ввели в научный оборот иллюстративную коллекцию по азиатским эскимосам № И-115 [Крупник, Михайлова 2006: 205]. В фонде отдела Америки хранится украшенная бисером сумка американских эскимосов, которую А.С. Форштейн получил в 1928 г. в подарок от эскимоса Панауге — жителя селения Унгазик (№ 5116). Она поступила в музей в 1933 г.¹

¹ В 1930-е годы этнографические коллекции дарили музею не только сотрудники МАЭ и ИНС, но и учителя эскимосских школ: К.С. Сергеева, И. Братишкина, Г.А. Меновщиков [Mikhailova 1994: 83].

Полевые исследования А.С. Форштейна не завершились научными публикациями, но его материалы неоднократно использовались в работах других исследователей. В примечании к статье «Юитский (азиатско-эскимосский) язык» В.Г. Богораз отметил: «Ряд дополнений и поправок внесены по материалам А.С. Форштейна, который провел среди юитов три года и недавно возвратился в Ленинград» [Богораз 1934: 105]. Известный специалист по искусству народов Сибири С.В. Иванов высоко оценил результаты полевых исследований А.С. Форштейна среди эскимосов. Он сделал несколько ссылок на его устные сообщения [Иванов 1954: 444, 447] и опубликовал со слов А.С. Форштейна описание праздника солнца: «Присутствовали на нем только женщины, члены большой семьи (нескольких жилищ). Из мужчин принимал участие в праздновании появления солнца только один человек — глава домохозяйства. Этот праздник, следовательно, был праздником женским. Считалось обязательным присутствие на нем всех девочек, а также мальчиков младшего возраста. <...> В это время женщины приступали к приготовлению праздничной пищи. <...> После этого всю пищу относили в сени и ставили там жирник. Один из мужчин отправлялся на берег моря, произносил магические слова и, найдя два камня, приносил их в жилище. Эти камни должны были изображать собой двух убитых тюленей. “Тюленей” клали в лампу. Это означало, что появился в доме жир от животных нового убоя. Затем зажигали лампу, что означало возжжение нового годового огня, и приглашали прийти в дом духа — охранителя очага. <...> Часов в 10–11 утра, после того как солнце заглядывало в жилище и лучи его касались пищи и очага, женщины начинали петь и танцевать вокруг огня, делая вид, что с его помощью очищают себя от всякой скверны. После этого лампа тушилась, а жертвенная пища делилась между стариками поселка и членами семьи, устроившей праздник» [Иванов 1963: 221–223].

Николай Борисович Шнакенбург (1907–1942) был еще одним учеником В.Г. Богораз, который провел полевые исследования на Чукотке. Он происходил из древнего немецкого дворянского рода, в 1926 г. Н.Б. Шнакенбург поступил на этнографическое отделение географического факультета ЛГУ. В мае 1929 г. он выехал из Ленинграда на северо-восток Сибири для проведения полевых исследований, с августа 1929 г. по июль 1930 г. работал

школьным учителем в поселке Тили на Камчатке, а затем отправился на Чукотку, где находился в период с 11 сентября 1930 г. по 15 мая 1933 г. Первоначально Н.Б. Шнакенбург работал учителем и заведующим факторией в чукотском поселке Рыркайпий на мысе Шмидта. 1 мая 1932 г. его перевели на должность краеведа Чукотской культбазы Комитета народов Севера. Н.Б. Шнакенбург изучал традиционную культуру чукчей и азиатских эскимосов. Он женился на аборигенке и благодаря своим родственным связям получил ценную этнографическую информацию. В дальнейшем Н.Б. Шнакенбург использовал свои экспедиционные материалы при подготовке кандидатской диссертации.

Вклад В.Г. Богораза в латиноамериканистику

В.Г. Богораз как заведующий отделом Центральной и Южной Америки неоднократно пытался опубликовать книгу Г.Г. Манизера «Экспедиция академика Г.И. Лангсдорфа в Бразилию». В начале 1925 г. в связи с предстоящим столетним юбилеем завершения экспедиции Г.И. Лангсдорфа он обратился в Президиум Академии наук с просьбой выделить средства для публикации рукописи Г.Г. Манизера или разрешить ее издание за границей. Много времени В.Г. Богораз посвящал экспозиции зала народов Центральной и Южной Америки, которую он постоянно совершенствовал. Весной 1925 г. он обратился в секцию «Человек» АН с предложением профинансировать экспедицию трех сотрудников МАЭ в Колумбию, Аргентину и Бразилию для сбора этнографических коллекций. В связи с двухсотлетним юбилеем Академии наук, который запланировали на осень 1925 г., В.Г. Богоразу отказали в финансировании этих проектов.

В 1926 г. академическая экспедиция в одну из стран Южной Америки — Колумбию — все же состоялась, в ее состав вошли только ботаники и зоологи, им поручили заниматься сбором этнографических коллекций. В 1927 г. от зоолога Юрия Николаевича Воронова (1874—1931) музей получил коллекцию по традиционной культуре индейцев корегуахе, которая состоит из 29 предметов одежды, украшений и бытовой утвари (№ 3471). Ю.Н. Воронов писал: «Одним из первых приобретенных этнографических предметов является ожерелье из зубов ягуара, которое удалось добыть за

крупную, впрочем, сумму, от мрачного колдуна. Это своего рода уник, состоящий из 36 клыков, подобранных строго по величине от очень крупных до мелких. На это ожерелье пошло 18 животных, из которых некоторые, судя по величине зубов, были матери, редкие самцы; клыки эти собирались, вероятно, не одним поколением.

Затем к коллекции присоединилось ожерелье из мелодичных плодов — погремушек, с вплетенными в него ярко окрашенными птичьими шкурками и хвостами. Его мне уступил весельчак Педро, смеявшийся таким звонким, заразительным смехом. За десятицентовые монеты ребятишки доставали мне образцы плетений и своих игрушек: волчок из плода пальмы “кумаре” и мячи из листьев маисовых початков. Последними играют наподобие нашего тенниса, пользуясь ладонями рук вместо ракеток. Я часто любовался их ловкою игрою. Одна девчурка принесла мне милое ожерелье из плодов мелкой пальмы, а от одной из почтенных матрон я получил очень интересный гребешок, вроде нашего частого гребня, но изготовленный из двусторонних отдельных зубов из черной древесины пальмы — чонты, скрепленных двумя поперечными палочками и изящно переплетенных тонкими шкурками пальмовой фибры. Несмотря на незначительное количество предметов, впоследствии оказалось, что многие из них отсутствуют в европейских музеях, например в Париже и даже в берлинской коллекции К. Прейсса, посетившего эти места за несколько лет до нас» [Воронов 1929: 37–38].

В сентябре 1926 г. в Риме В.Г. Богораз участвовал в работе XXII Международного конгресса американистов. В Италии он в очередной раз встретился с Ф. Боасом, которого в Советском Союзе считали прогрессивным буржуазным ученым. В 1926 г. на русском языке опубликовали его теоретическую работу «Ум первобытного человека», впервые изданную в США в 1911 г. [Боас 1926]. В.Г. Богораз избрали одним из вице-президентов XXII Международного конгресса американистов. Он представил доклады «Палеоазиатские племена Южной Сибири и их постепенное расселение с юго-запада на северо-восток», «Миф и культ умирающего бога-зверя в Северной Азии и Америке» и «Столетний юбилей русских экспедиций в Южную Америку». В.Г. Богораз отметил: «В прениях итальянцы козыряли именами <...> Христофора Колумба и Америго Веспуччи. <...> Я предложил исключить из

состава речей эти два превосходные, но уж очень известные имена. Многие смеялись сочувственно, но один итальянец сказал: “А у вас и того нет. Объясните нам, какие у вас, русских, есть американисты?” И тут я объяснил, что <...> Колумб и Веспуччи открыли Америку с запада, а русские — с востока» [Богораз 2011: 208].

Другой советский участник этого конгресса, филолог Сергей Александрович Андрианов (1871–1942), зачитал доклад И.Д. Стрельникова «Кайюа Парагвая», который лично не смог приехать в Италию. В середине 20-х годов между В.Г. Богоразом и участником второй русской экспедиции в Южную Америку И.Д. Стрельниковым установились плодотворные деловые отношения. В 1927 г. к В.Г. Богоразу обратилась администрация Этнографического музея Национального университета Буэнос-Айреса с предложением о возобновлении обмена коллекциями. Это предложение реализовать не удалось.

Что касается контактов с учеными и деятелями культуры из стран Латинской Америки, то известно о посещении МАЭ в 1932 г. мексиканской фольклористкой и певицей Консепсьон Мичель (Конча Мишель, Micheli). На заседании Ученого совета она сделала доклад «Мексиканский фольклор» [Отчет 1933: 205]. Также К. Мичель посетила Ленинградскую государственную консерваторию, где выступила с концертом. При консерватории работал «Музыкально-этнографический кабинет», сотрудница которого Зинаида Викторовна Эвальд (1894–1942) записала на фонограф три индейские песни в исполнении К. Мичель [Магид 1936: 421]. Тогда же, в 1932 г., несколько акварельных рисунков подарила музею художница Е.Г. Морозова (№ И-1, И-4, И-60). Эти акварели она сделала во время пребывания в Мексике в 1928 г. Возможно, эти два события — посещение музея К. Мичель и дар Е.Г. Морозовой — были связаны друг с другом.

Должность заведующего отделом Центральной и Южной Америки давала возможность В.Г. Богоразу представлять МАЭ на конгрессах американистов. В добавление к этой должности с 6 ноября 1929 г. В.Г. Богораз стал временно исполнять обязанности заведующего отделом Сибири и Севера Европы. На постоянную работу в отдел Сибири он перешел в начале 1933 г. Таким образом, В.Г. Богораз являлся заведующим отделом Центральной и Южной Америки до 1933 г.

Командировка в Соединенные Штаты Америки

В сентябре 1928 г. В.Г. Богораз приехал в Нью-Йорк, где вместе с сотрудником Зоологического музея И.Д. Стрельниковым участвовал в работе XXIII Международного конгресса американистов. На конгрессе В.Г. Богораз встретился с известными американистами из Европы и США и познакомился с молодым поколением американских этнографов. В дальнейшем МАЭ посетили несколько американских ученых: Л.А. Уайт, Р.Ф. Бартон, М.Л. Киссель и другие, с которыми В.Г. Богораз установил деловые отношения во время этой командировки.

Кроме своего сообщения, В.Г. Богораз представил доклад Н.Г. Шпринцин «Стрелометательная трубка в Америке, Индонезии и Океании» и доклад музыковеда, сотрудника Государственного института истории искусств (ГИИИ) Семена Львовича Гинзбурга (1901–1978) «Основные вопросы сравнительного изучения музыкальных инструментов индейцев Южной Америки». Также он зачитал несколько своих докладов по этнографии народов Сибири; доклад, подготовленный совместно с Н.И. Леоновым, и доклады Надежды Петровны Дыренковой (1899–1941), Бориса Николаевича Вишневого (1891–1965), Георгия Николаевича Прокофьева (1897–1942). Среди них необходимо отметить доклад Н.П. Дыренковой «Бубны и трещотки в шаманстве Сибири и Северной Америки». Не все доклады по сибирской тематике опубликовали в материалах конгресса. Доклад Г.Н. Прокофьева «Протоазиатские элементы в культуре остяко-самоедов» позднее издали в журнале «American Anthropologist» [Prokofjew 1933].

В.Г. Богораз вспоминал: «Русская секция на конгрессе в Нью-Йорке выступила с серией докладов, не только научных, но также научно-общественных. Центральное место занимали сообщения о великой культурной революции, которая ныне проводится с помощью советской власти среди малых народностей севера и северо-востока Евразии. Я сделал, например, особый доклад об Институте народов Севера. <...> Я показал конгрессу несколько десятков диапозитивов, наглядно осветивших студенческую жизнь. Чукчи, самоеды, тунгусы и гиляки предстали в обычной культурной одежде. Они сидели за столом, занимались, обедали в студенческой столовой, упражнялись в физкультуре, рисовали и готовили уроки. <...> И вот, во время одного из моих докладов

мой добрый приятель Эрланд Норденшельд тихонько толкнул старого моего друга Франца Боаса и спросил его шепотом: “Что это, действительно они ведут там такую хорошую работу или это только большевистская пропаганда?”» [Богораз 2011: 212–213].

И.Д. Стрельников представил доклад по результатам второй русской экспедиции в Южную Америку 1914–1915 гг. «Музыка и танцы индейских племен Кайюа (Гуарани) и Ботокудов», доклад «Экспедиция Г.И. Лангсдорфа в Бразилию в 1821–1829 гг.» и зачитал архивное сообщение Г.Г. Манизера «Каинганы Сан-Пауло». М.Ш. Файнштейн писал: «На одном из ноябрьских заседаний Академии наук В.В. Вернадский сообщил, что получил из Нью-Йорка письмо от И.Д. Стрельникова, который участвовал здесь в конгрессе американистов. Он писал, что его доклад о материалах Г.И. Лангсдорфа и рукописи Г.Г. Манизера вызвал большой интерес у участников конгресса» [Файнштейн 2003: 67]. В дальнейшем И.Д. Стрельников продолжил публиковать результаты своих этнографических исследований [Стрельников 1929, 1930].

В.И. Иохельсон представлял АМЕИ, он зачитал сообщение «Древние и современные камчадалы: сходство их культуры с культурой индейцев северо-западного побережья». Как бывший сотрудник МАЭ и специалист по этнографии алеутов, он представил участникам конгресса доклад Сергея Васильевича Иванова (1895–1986) «Алеутские головные уборы и их орнаментация». В середине 20-х годов между В.И. Иохельсоном и В.Г. Богоразом развернулась заочная полемика по проблеме заселения Америки. В.Г. Богораз по-прежнему придерживался теории «азиатско-американской цепи народов», разделенной «эскимосско-алеутским клином». В.И. Иохельсон изменил свою точку зрения на этногенез эскимосов и стал придерживаться мнения, что эскимосы — автохтонный народ Америки, который в процессе миграции перешел Берингов пролив и заселил северо-восточную часть Чукотского полуострова [Богораз 1927а: 37–41]. Эта дискуссия и решение В.И. Иохельсона о невозвращении в Ленинград привели в 1928 г. к разрыву их отношений. Деловая переписка между В.Г. Богоразом и В.И. Иохельсоном возобновилась только в 1935 г.

* * *

В сентябре 1928 г. в Американском музее естественной истории состоялось Международное совещание по изучению народов

Арктики, на котором присутствовали В.Г. Богораз от МАЭ, К. Уисслер от АМЕИ, А. Хрдличка от НМЕИ при Смитсоновском институте Вашингтона, канадский этнолог и археолог Даймонд Дженнесс (D. Jenness, 1886–1969), Э. Норденшельд из Швеции и трое датчан: В. Тальбицер, К. Биркет-Смит, Т. Матиассен. В.Г. Богораз представил доклад «Сравнительное изучение шаманизма в Азии и Америке». Он вспоминал: «Я не могу не припомнить <...> цеховую гордость, проявленную американскими учеными-археологами в отношении эскимосского вопроса. Они думали и думают до сих пор, что только археология поможет разрешить запутанный вопрос о взаимных переселениях народов между Азией и Европой (и Америкой. — С.К.). Когда Вильям Тальбицер и я попытались выдвинуть некоторые лингвистические соображения в защиту того, что эскимосская волна переселения продвигалась из Азии в Америку, Кай Биркет-Смит, глава полярных археологов в Америке, который придерживался противоположенной теории об американском автохтонном происхождении эскимосской народности, ответил с великолепным высокомерием: “Ведь это только лингвистические аргументы”» [Богораз-Тан 1935: 45].

Недоверие К. Биркет-Смита к лингвистическим построениям В.Г. Богораз и В. Тальбицера объясняется тем, что данные лингвистики, в отличие от археологических находок, нельзя датировать, также они не имеют привязки к территории. На основе археологических данных можно проследить длительную преемственность от одной культуры к другой, а на основе лингвистических сведений этого сделать нельзя. И самое главное, при исследовании эскимосов К. Биркет-Смит в большей степени был археологом, чем этнографом, а В.Г. Богораз — лингвистом, чем этнографом.

На совещании говорилось о необходимости организовать этнографические экспедиции в неисследованные районы Сибири. Отмечалось, что в 1925 г. один из отрядов датской пятой экспедиции Туле провел исследования на Чукотке. Особенно активно за организацию полевых исследований в Северо-Восточной Сибири выступал А. Хрдличка. Он представил ряд предметов, приобретенных у чукчей и азиатских эскимосов, аналогичных изделиям эскимосов Аляски. А. Хрдличка предлагал профинансировать организацию совместных полевых исследований в Сибири. Неожиданно для всех участников совещания «проф. Богораз твердо от-

стаивал иную точку зрения и говорил, что области и народы СССР должны быть изучаемы усилиями наших собственных ученых. Говорил о том, что в последние годы, начиная с 1925 г., это изучение производится в плановом порядке» [Богораз 1929: 105]. Как упоминалось, для проведения полевых исследований среди азиатских эскимосов В.Г. Богораз отправил на Чукотку А.С. Форштейна. Он также планировал принять личное участие в экспедиции и собирался уехать на северо-восток Сибири после возвращения из Америки [Отчет 1929: 250].

С.А. Кан так прокомментировал выступление В.Г. Богораз на совещании в АМЕИ: «Апеллируя к советской гордости и нарастающей подозрительности по отношению к иностранцам, Богораз пытался добиться <...> для себя роли организатора этого исследовательского проекта, а также его главного докладчика на всех последующих международных научных конференциях» [Кан 2007: 213]. По результатам совещания К. Биркет-Смит и Т. Матиассен разработали проект Международного комитета по изучению народов Арктики. Было решено вернуться к его обсуждению на следующем конгрессе американистов, который должен был состояться в 1930 г. в Германии.

* * *

А. Хрдличка всячески содействовал возобновлению обмена коллекциями между МАЭ и НМЕИ при Смитсоновском институте. Когда в конце октября 1928 г. В.Г. Богораз посетил Вашингтон, ученый секретарь Смитсоновского института Александер Ветморе (A. Wetmore, 1886–1978) поддержал идею обмена коллекциями. Администрация НМЕИ отправила коллекции в Ленинград по личной договоренности с В.Г. Богоразом. Он обещал, что в ответ будут присланы коллекции по народам Сибири. В начале 1929 г., когда В.Г. Богораз находился во Франции, в МАЭ поступили три коллекции по индейцам пуэбло из сборов Дж. Стивенсона, Дж. Муни, У. Пауэлла (W. Powell, 1834–1902) (№ 3944, 3945, 4010). В середине 1929 г. директор МАЭ академик Е.Ф. Карский в письме руководству НМЕИ просил извинения за задержку с ответом и интересовался, по каким народам хотели бы получить коллекции в Вашингтоне. В ответном письме А. Ветморе написал, что НМЕИ хотел бы получить коллекции по азиатским эскимосам и алеутам Командорских островов, то есть по народам, в изучении

которых был заинтересован А. Хрдличка. Пока длилась переписка и отбор предметов, 2 сентября 1930 г. Е.Ф. Карского уволили. 12 октября новым директором музея стал Николай Михайлович Маторин (1898–1936). В декабре он запросил разрешение в Президиуме АН СССР на отправку в Вашингтон коллекции по культуре якутов, в то время в обменном фонде МАЭ имелись коллекции только по якутам и народам Амура. Якутская коллекция была получена НМЕИ летом 1931 г.

В Филадельфии В.Г. Богораз посетил Музей археологии и антропологии Университета Пенсильвании (МАОУП). Его сотрудники разрабатывали проект создания отдела по изучению этнографии и археологии народов России. Это предложение было поддержано Ф. Боасом и В.Г. Богоразом. Ключевой фигурой нового отдела стал археолог Евгений Голомшток — эмигрант из России, ученик Б.Ф. Адлера. В 1931–1932 гг. он дважды приезжал в Советский Союз и работал во многих музеях Москвы и Ленинграда, в том числе и в МАЭ [Golomshtock 1933]. Е. Голомшток вел переговоры об обмене коллекциями и научной литературой между советскими музеями и библиотеками и МАОУП. В 1933 г. в отдел Америки поступила серия фотографий (№ И-41, И-49, И-51, И-52) от директора МАОУП Горация Джейна (Н. Жауне, 1898–1975). Он выслал эти фотографии в нескольких письмах на имя В.Г. Богораз. В 1933 г. сотрудники МАЭ подготовили для обмена ряд коллекций по археологии и этнографии народов Сибири. Тогда же в Москве по обвинению в шпионаже арестовали Б.Ф. Адлера, который в 1922–1925 гг. преподавал в Германии. Сейчас кажется, что подготовка коллекций к обмену с американским музеем в Ленинграде и арест Б.Ф. Адлера в Москве не связаны друг с другом. Однако ОГПУ не могло допустить, чтобы бывший ученик Б.Ф. Адлера, по терминологии того времени «белоэмигрант», «классовый враг» и «шпион», вновь приехал в Советский Союз. Е. Голомштоку отказали во въездной визе, и обмен коллекциями между МАЭ и МАОУП не состоялся [Купина 2004: 76–79].

В январе 1929 г. В.Г. Богораз участвовал в ежегодном конгрессе Американской ассоциации за прогресс науки (American Association for Advancement of Science) в Нью-Йорке. Он вспоминал: «Профессор Франц Боас, мой старый друг и глава американских этнографов, читал на конгрессе доклад на тему “Основные

параллели сибирской и американской культур». Зал был огромный, в нем было три тысячи слушателей, и все до одного — участники конгресса» [Богораз 2011: 206]. В.Г. Богораз и Ф. Боас договорились об обмене студентами. Идея обмена студентами и аспирантами возникла у Ф. Боаса после длительного перерыва связей с российскими учеными из-за Первой мировой войны, двух революций и Гражданской войны в России. В то время он годами добивался от В.Г. Богораза завершения его работ по Джезуповской экспедиции и ждал публикаций В.И. Иохельсона по результатам экспедиции 1909–1910 гг. на Алеутские острова. Ф. Боас пришел к выводу, что более эффективно организовать обмен студентами, отправить в Россию молодых американских ученых и в дальнейшем использовать материалы их полевых исследований. Он писал о планах работы в Америке советского студента: «Я хотел бы послать его на Аляску, чтобы он провел скрупулезное исследование тлинкитов, которое никогда еще не проводилось. Это кажется мне особенно нужным, поскольку большая и ценная (тлинкитская) коллекция Музея Академии наук в Ленинграде должна быть глубоко переработана с учетом информации, полученной в поле» (цит. по: [Кан 2007: 216]).

Экспедиция Ф. Боаса — Ю.П. Аверкиевой к квакиутль (1930–1931)

Из командировки в США В.Г. Богораз привез несколько приглашений советским студентам для продолжения образования в Америке, в том числе одно приглашение для студента-этнографа. Среди нескольких претендентов на стажировку выбор остановили на 22-летней Ю.П. Аверкиевой. Она происходила из крестьянской семьи, активно участвовала в комсомольской работе, имела хорошие способности к иностранным языкам. В 1925–1929 гг. Ю.П. Аверкиева училась на этнографическом отделении географического факультета, специализировалась на изучении финно-угорских народов Карелии. Кроме курса по этнографии, она изучала немецкий, французский и финский языки. Среди преподавателей Ю.П. Аверкиевой были Н.М. Маторин, Л.Я. Штернберг и В.Г. Богораз, который являлся ее научным руководителем. Сначала Ю.П. Аверкиева стала отказываться от поездки в Америку, но быстро поняла, что поручения надо исполнять,

поэтому немедленно начала изучать английский язык. В США Ю.П. Аверкиева въехала по студенческой визе.

В октябре 1929 г. Ю.П. Аверкиева приступила к занятиям в женском Бернارد-колледже Колумбийского университета Нью-Йорка. Весной 1930 г. Ф. Боас предложил ей принять участие в экспедиции к индейцам квакиутль на остров Ванкувер. К тому времени у Ю.П. Аверкиевой не было четкого представления о дальнейшей научной работе. В письме к Н.М. Маторину она спрашивала совета, нужно ли ей ехать в экспедицию к индейцам [Нитобург 2003: 404]. В начале октября 1930 г. Ф. Боас и Ю.П. Аверкиева прибыли в селение квакиутль Форт-Руперт на острове Ванкувер, в канадской провинции Британская Колумбия. В этом селении жил главный информант Ф. Боаса — метис Джордж Хант (G. Hunt, 1854–1933). По местным меркам он был состоятельным человеком. Его жена, Мэри Хант, и еще одна зажиточная индианка, Хемаходаюгва, стали главными информантами Ю.П. Аверкиевой.

Она писала: «Сейчас почти все индианки летом работают на рыбоконсервных фабриках и зарабатывают в сезон 50–150 долларов. Эти деньги они не тратят, а копят для приданого и для хаванака (ритуальных праздников. — С.К.). Из опрошенных мною 9 индианок форта Руперт, работавших на фабриках в сезон 1930 г., две заработали по 75 долларов, две — по 50, три — по 100 и две — по 125 долларов. Эти заработки составляют фонд, из которого устраивают потлачи, хаванака и пр. На повседневные нужды тратят заработки мужей. Мужчины отдают все свои заработки женам, которые ими распоряжаются, самостоятельно ведя все хозяйство. Эту самостоятельность и известную степень преобладания женщин в домашнем хозяйстве (хотя главную роль играет заработок мужчины) можно также объяснить как пережиток матернитета, эпоха господства которого характеризуется приоритетом женщины в домашнем хозяйстве» [Аверкиева 1947: 167].

Ф. Боас поручил Ю.П. Аверкиевой изучение «веревочной игры» на пальцах рук. Этой работой она занималась более трех месяцев и подготовила объемную рукопись, собрала коллекцию из 102 веревочных фигур и сделала большое количество их фотографий и зарисовок. Работа Ю.П. Аверкиевой была опубликована через 61 год после завершения экспедиции [Averkieva, Sherman, 1992]. Также она собрала интересную этнографическую коллекцию по

традиционной культуре квакиутль (№ 4271) и сделала серию фотографий (№ И-2201). В письме руководству ИНС Ю.П. Аверкиева сообщала о положении коренных жителей селения Форт-Руперт: «Женщины работают на фабриках различных канадских компаний по заполнению банок консервированной рыбой. Оплата мизерная, особенно плохо было в этом году (1930 г.) в связи с общей депрессией. Заработков не хватает на зиму для пропитания семьи <...> из “культурработников” здесь никого нет, кроме купца. Но в 20 милях отсюда, в другой индейской деревушке, живут три миссионера и полицейский агент по индейским делам. Все обычаи индейцев считаются “дикими и варварскими”, а посему запрещены законом. В связи с этим в последнее время существует настоящий террор, то и дело слышишь рассказы об арестах, два месяца за (исполнение. — С.К.) индейской пляски грозит тюрьмы. Все это создает ужасное впечатление угнетенности среди индейцев и, конечно, враждебности к белым» [От редакции 1931: 9–10].

Полевая работа Ф. Боаса и Ю.П. Аверкиевой продолжалась с октября 1930 г. до середины января 1931 г., за это время они провели около трех месяцев в селении Форт-Руперт и около двух недель — в селении Алерт-Бей. В Нью-Йорк они возвращались через Оттаву, где Ю.П. Аверкиева познакомилась с этнографическими коллекциями Национального музея Канады (в 1957 г. на основе его археологических и этнографических коллекций создали Национальный музей человека). Главой отдела этнологии этого музея был первооткрыватель древнеэскимосской культуры дорсет Д. Дженнесс (он встречался с В.Г. Богоразом в 1928 г. в Нью-Йорке). Д. Дженнесс лично показал Ю.П. Аверкиевой коллекции по квакиутль и другим народам северо-западного побережья. Ее особое внимание привлекли медные пластины: «Каждая пластина имела свое имя, связанное с изображенным на ней тотемом и никогда не менявшееся. <...> Ко времени моего приезда на побережье все пластины индейцев были конфискованы правительством и отвезены в Оттаву, где я их видела позже валявшимися на складе Оттавского музея» [Аверкиева 1941: 51–52].

О медных изделиях квакиутль Ю.П. Аверкиева писала: «Медные украшения были редкой наследственной драгоценностью семей вождей, знатных и богатых индейцев, своеобразной эстетической формой сокровища. С приходом европейцев медные украшения были вытеснены серебряными и золотыми. <...>

С медью связывается целый ряд поверий. По представлениям квакиутлей, например, медь кладет конец хорошим и плохим делам, болезням и пр. Она останавливает ход рыбы, если медным ножом отрезать голову рыбе. Если на удочку рыбака попадутся все ерши, то стоит одному из них отрезать голову медным ножом, как ни один ерш не коснется больше крючка. Если пуповину ребенка отрезать медным ножом, женщина больше не родит. В Форт-Рупер индеанка Мяги Хонт сообщила автору этих строк, что прикосновение медной пластины к спине женщины вызывает бездетность» [Аверкиева 1959: 71–78].

В Ленинград Ю.П. Аверкиева вернулась в мае 1931 г. Свои экспедиционные материалы по квакиутль она никогда не публиковала в виде отдельной статьи или отчета, что объясняется рядом причин. Во-первых, в Канаду Ю.П. Аверкиева въехала без визы. Во-вторых, она с удивлением обнаружила, что среди индейцев были зажиточные люди, по советской терминологии того времени, «кулаки». В-третьих, значительная часть полевых материалов Ю.П. Аверкиевой посвящена описанию церемониальных празднеств квакиутль — потлачей. В то время в Канаде за проведение потлачей было предусмотрено уголовное наказание. Часть своих материалов Ю.П. Аверкиева опубликовала через 30 лет в виде небольших отрывков в нескольких работах. Также она пыталась привлечь внимание советских ученых к работам Ф. Боаса и сделала перевод его рукописи «Колдовство у индейцев квакиютль» [Боас 1935]. После кончины Ф. Боаса 21 декабря 1942 г. Ю.П. Аверкиева опубликовала статью, в которой осветила вклад своего американского учителя в развитие этнографии [Аверкиева 1946]. В 70-е годы дома у Ю.П. Аверкиевой хранилась фотография Ф. Боаса, глядя на которую она говорила: «Какой он был замечательный человек! К несчастью, я должна была критиковать его всю мою жизнь» (цит. по: [Кан 2007: 218]).

В.Г. Богораз — «старый специалист»

В апреле 1929 г. состоялось совещание этнографов Москвы и Ленинграда, на котором говорилось о недостаточном финансировании научных исследований, плохой издательской базе, недостатке оборудования и помещений для хранения коллекций. Виновными в тяжелом положении отечественной этнографии

объявили «старых специалистов», то есть ученых, которые занимались научными исследованиями до 1917 г. Одним из участников этого совещания был Валериан Борисович Аптекарь (1899–1937), медик по образованию и издательский работник по профессии, который сам себя считал крупным теоретиком в области гуманитарных наук. Ни одной этнографической публикации В.Б. Аптекарь не издал, но выступал с суровой критикой работ других исследователей. Он заявил, что этнография и марксизм принципиально не совместимы, и выступил за упразднение этнографии как самостоятельной науки [Тезисы 1929: 116]. Советские обществоведы всегда трактовали марксизм как учение. При противопоставлении науки этнографии и экономического учения «марксизм» логичнее было бы упразднить отдельное учение, а не целую науку.

Н.И. Платонова считает, что когда в 1929 г. на заседании Совета народных комиссаров обсуждался вопрос о ликвидации АН, только агрессивное-эмоциональное выступление академика Николая Яковлевича Марра (1864–1934) заставило членов правительства отказаться от упразднения академии [Платонова 2013: 17]. Несмотря на это решение, тогда же была создана Коммунистическая академия. Предполагалось, что она будет дублировать, а впоследствии заменит Академию наук. Потребовалось семь лет, чтобы руководство страны поняло, что демагогические рассуждения о построении коммунизма не могут заменить настоящую науку, и в 1936 г. Коммунистическую академию закрыли.

После возвращения из заграничной командировки В.Г. Богораз как бывший революционер-народник стремился показать свою приверженность советской власти. В автобиографии, которая хранится в архиве МАЭ, он написал только о своей революционной деятельности и не упомянул о научной и преподавательской работе. Уже в 1929 г. он назвал Л.Я. Штернберга мелкобуржуазным ученым, который следовал «научной концепции империалистической буржуазии» [СПбФ АРАН. Ф. 282. Оп. 1. Д. 175. Л. 2 об.]. Весной 1930 г. состоялось заседание Ученого совета МАЭ, где обсуждался план создания новой экспозиции взамен эволюционно-типологической, разработанной в середине 20-х годов Л.Я. Штернбергом: «Общее мнение выразил <...> В.Г. Богораз-Тан, призывавший “освободиться от плена вещей”, выставлять не вещи, а социально-экономические и политические идеи» (цит. по: [Станюкович 1978: 200]).

Эти высказывания В.Г. Богораза объясняются не только желанием дистанцироваться от «немарксистских» взглядов Л.Я. Штернберга. В.Г. Богораз был помощником Л.Я. Штернберга как в МАЭ, так и на географическом факультете ЛГУ, а он стремился к лидерству в научной и преподавательской работе. Как упоминалось, в 1918 г. Л.Я. Штернберг занимал три музейные должности и ни одну из них не уступил ни В.Г. Богоразу, ни В.И. Иохельсону. Также В.Г. Богораз не получил вакантную должность заведующего отделом Сибири и Севера России, освободившуюся после избрания Л.Я. Штернберга в 1924 г. членом-корреспондентом. После Л.Я. Штернберга эту должность занял И.И. Майнов, а затем — Э.К. Пекарский. Напомним, что И.И. Майнов, Э.К. Пекарский и В.Г. Богораз в 1894–1897 гг. участвовали в Сибиряковской экспедиции. Видимо, не случайно в 1926 г. В.Г. Богораз и Л.Я. Штернберг отправились на разные международные конгрессы: первый — в Рим, а второй — в Токио¹.

В 1929–1930 гг. В.Г. Богораз подготовил «Антирелигиозную выставку». Для ее создания из фондов МАЭ отобрали более тысячи предметов культа из всех районов мира. Выставка открылась 15 апреля 1930 г. в Государственном Эрмитаже. В.Г. Богораз планировал в дальнейшем переоформить эту выставку в постоянную экспозицию. Руководство Государственного Эрмитажа выступило резко против возможной потери своих экспозиционных площадей и требовало скорейшего закрытия «Антирелигиозной выставки». Более года ушло на поиск постоянного помещения, и 15 июля 1931 г. на базе выставки создали Музей истории религии и атеизма (МИР) при АН, который занял здание Казанского собора, В.Г. Богораз стал его первым директором. Привлекая «старых специалистов» в армию, промышленность и науку, власти полагали, что они должны организовать работу, а затем уступить руководящие посты молодому «марксистскому» поколению. Следовательно, В.Г. Богораз, не овладевший «марксистской методоло-

¹ В книге Н.И. Гаген-Торн говорится, что Л.Я. Штернберг и В.Г. Богораз вместе участвовали в работе III Тихоокеанского научного конгресса в Токио [Гаген-Торн 1975: 212–217]. Только в 2009 г. вышла научная биография Л.Я. Штернберга, где правдиво описано его пребывание в Японии в 1926 г. [Кап 2009: 332–334].

гией», не должен был длительное время занимать руководящие посты, а он преподавал и публиковался до конца своих дней.

В 1930 г. преподавание философии, лингвистики, истории (включая этнографию и археологию) было прекращено в Московском и Ленинградском университетах. Чтобы усилить контроль за «идеологическими» науками, их стали преподавать в специальных вузах — Московском и Ленинградском историко-лингвистических институтах. Вскоре их переименовали в историко-философско-лингвистические институты. После закрытия этнографического отделения на географическом факультете ЛГУ его археологические коллекции по народам Америки передали в отдел археологии МАЭ (№ 4427, 4428, 4432).

В конце 20-х годов В.Г. Богораз ввел термин «этнотройка» в отношении себя, Л.Я. Штернберга и В.И. Иохельсона. Совместных научных исследований они не проводили, также у них не было общих публикаций, поэтому их объединение в «этнотройку» неправомерно. Такое объединение подчеркивало ведущую роль Л.Я. Штернберга, В.Г. Богораз и В.И. Иохельсона в создании петроградской/ленинградской этнографической школы. Как отмечалось, идейным вдохновителем создания этнографической школы в Санкт-Петербурге/Петрограде был В.В. Радлов, а ее практическим организатором — Л.Я. Штернберг. При знакомстве с биографиями представителей «этнотройки» становится понятно, что у каждого из них был свой путь в науке, в отдельные периоды они годами не встречались друг с другом. Вместе Л.Я. Штернберг, В.И. Иохельсон и В.Г. Богораз работали в одном учреждении только в 1919–1922 гг. Впоследствии представление об «этнотройке» как сплоченном коллективе единомышленников стало настолько распространенным, что некоторые исследователи неоднократно ставили вопрос, почему Ф. Боас не пригласил Л.Я. Штернберга для участия в Джезуповской экспедиции. Осенью 1898 г., когда решался вопрос о персональном составе русского отряда Джезуповской экспедиции, Ф. Боас ничего не знал об исследованиях Л.Я. Штернберга среди нивхов. В то время Л.Я. Штернберг жил в Житомире, и только через три года В.В. Радлов принял его на временную работу в МАЭ.

На осень 1930 г. В.Г. Богораз планировал поездку в Германию для участия в работе XXIV Международного конгресса американистов, однако в августе 1930 г. ему отказали в выезде за границу.

Таким образом, он лишился возможности посещать капиталистические страны и должен был постоянно доказывать свою лояльность по отношению к советской власти. По сведениям С. Кана, в конце 1930 г. В.Г. Богораз собирался либо иммигрировать из страны, либо вступить в ВКП(б) [Кан 2007: 220]. Это означает, что он переживал глубокий личный кризис. Официально эмигрировать из Советского Союза было нельзя, можно было только нелегально перейти границу, а чтобы вступить в коммунистическую партию, также было недостаточно личного желаяния, для этого требовались рекомендации «проверенных» большевиков. В.Г. Богораз долго не мог поверить в то, что он оказался невыездным. В 1931 г. он получил приглашение от Д. Дженнесса для участия в IV Тихоокеанском научном конгрессе, который в 1932 г. должен был пройти в Канаде. В 1934 г. В.Г. Богораз планировал поездку в Испанию для участия в работе XXV Международного конгресса американистов. Однако отношение властей к нему не изменилось, В.Г. Богораз подозревали в связях с троцкистами¹.

Проекты по изучению народов Арктики

В 1930-е годы из-за невозможности выезжать за границу В.Г. Богораз сосредоточился на организации полевых исследований в Сибири и на подготовке музейных выставок, посвященных древним связям народов Сибири и Аляски. В 1931 г. он готовил выставку, на которой хотел представить сходные элементы в орудиях труда и охоты палеолитического населения Европы, саамов Скандинавии, ненцев полуострова Ямал, эскимосов Сибири и народов Аляски. Таким образом, В.Г. Богораз наметил пути миграции населения Евразии, которое в процессе расселения перешло Берингов пролив и оказалось в Америке. Открытие выставки «Эволюция техники» состоялось в 1932 г., она экспонировалась в МАЭ в течение двух лет. С.В. Иванов отметил: «Интерес В.Г. к археологии выразился, между прочим, в устройстве <...> выставки, на которой наряду с современными орудиями труда были представлены орудия палео- и неолитических эпох. Эта выставка привлекла

¹ Когда в 1947 г. арестовали Ю.П. Аверкиеву, то ее обвинили в шпионаже и «преступной связи с троцкистами» В.Г. Богоразом и Ф. Боасом [Нитобург 2003: 413].

к себе внимание и этнографов, и археологов, нашедших в ней интересные и поучительные аналогии как в форме современных и древних орудий, так и в технике их изготовления, способах скрепления, сверления и т.п.» [Иванов 1946: 5].

При организации выставки «Эволюция техники» В.Г. Богораз на практике осуществил идеи европейских ученых по сравнительному изучению предметов «техники», то есть однотипных комплектов материальной культуры. При этом он продолжал высказывать критические замечания в адрес зарубежных коллег: «Западные исследователи <...> интересуются так называемой материальной культурой. Под этим разумеется не столько хозяйство, сколько <...> орудия, оружие, средства передвижения, пища, жилища, одежда, — все то, что можно увезти в коллекциях и потом измерить, сфотографировать и представить читателю в виде иллюстраций» [Богораз 1936: 204]. В.Г. Богораз сделал то же самое, но представил не иллюстрации в книге, а вещи на музейной экспозиции. Он планировал на основе выставки «Эволюция техники» создать постоянную экспозицию «История техники народностей арктической Евразии и Америки», которая должна была стать связующим звеном между экспозициями по народам Сибири и Северной Америки. Над разработкой этого проекта В.Г. Богораз работал в 1934–1936 гг. Главная идея заключалась в том, чтобы доказать, что предки эскимосов проникли в Америку из Азии, а не наоборот. В 1936 г. работу по подготовке экспозиции «История техники народностей арктической Евразии и Америки» продолжил А.С. Форштейн.

В 1933 г. Советский Союз и США установили дипломатические отношения, и в 1934 г. А. Хрдличка обратился к руководству МАЭ и АН СССР с предложением провести совместные исследования для установления связей между древними культурами Сибири и Аляски. Он писал: «Люди, перешедшие из Азии в Америку, не были “голыми дикарями”, но составляли определенные, сложившиеся группы и обладали богатой, высокохудожественной культурой, которая, в свою очередь, имела долговременную и просторную область происхождения где-то в Азии» (цит. по: [Богораз-Тан 1935: 46]). А. Хрдличка знал о стажировке Ю.П. Аверкиевой в Колумбийском университете и предлагал профинансировать дальнейшие музейные и полевые исследования советских ученых в Америке, но в 1934 г. идея обмена специалистами в области

антропологии, археологии и этнографии не вызвала интереса у руководства АН. А. Хрдличка и Ф. Боас в течение длительного периода своей научной деятельности были заинтересованы в проведении полевых исследований в Сибири и в деловых связях с русскими/советскими учеными. При этом Ф. Боас был более дальновидным, чем А. Хрдличка, который в основном повторял то, что уже сделал Ф. Боас. Например, Ф. Боас первым завязал контакты с В.В. Радловым, организовал проведение полевых исследований среди народов Сибири, установил обмен коллекциями между МАЭ и американскими музеями, опубликовал в США работы русских ученых, организовал стажировку для Л.Я. Штернберга в АМЕРИ в 1905 г. и обмен студентами и аспирантами.

В 1934 г. в Лондоне состоялся I Международный конгресс антропологических и этнографических наук (МКАЭН). Советских ученых на этот конгресс не пригласили. По инициативе датской делегации на конгрессе официально сформировали Международный комитет по изучению народов Арктики, в его состав вошли: Д. Дженнесс от Канады, Ф. Боас от США, К. Биркет-Смит и В. Тальбицер от Дании. В.Г. Богораз заочно избрали почетным членом этого комитета. Однако отсутствие советских представителей на конгрессе обрекало на неудачу какие-либо совместные проекты, поэтому американским и датским исследователям пришлось ограничиться двухсторонним сотрудничеством.

Не имея возможности участвовать в международных проектах, В.Г. Богораз способствовал организации самостоятельных экспедиций советских ученых для поиска параллелей в культурах народов Сибири и Аляски. Летом 1935 г. состоялась экспедиция Института антропологии, археологии и этнографии по изучению народов района Амура — Амурская комплексная экспедиция. По рекомендации В.Г. Богораз в ее состав включили археологический отряд под руководством аспиранта Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) **Алексея Павловича Окладникова** (1908—1981), который до 1934 г. жил в Иркутске и был учеником Б.Э. Петри — бывшего сотрудника МАЭ. А.П. Окладников вспоминал о встрече с В.Г. Богоразом: «Он предложил мне возглавить, по поручению Института этнографии Академии наук, работы по археологии Амура, начать поиски древнейших культур Дальнего Востока и провести там первые систематические раскопки» [Окладников 1964: 132].

О том, что перед сотрудниками МАЭ/ИААЭ при проведении исследований в Сибири в 1935 г. ставилась задача поиска параллелей с народами Аляски, сказано в статье Капитолины Васильевны Вяткиной (1892–1973). Она отметила: «Развертываемая в текущем году работа на советском Севере должна явиться своеобразным “продолжением” работ американских ученых на американском Севере, а также “продолжением” археологических экспедиций на Аляске. Северные археологические экспедиции (в Западную Сибирь¹ и в район Амура. — С.К.) должны обогатить советскую науку новыми, исключительно ценными материалами и открытиями, проливающими свет на исторические судьбы древнейшего населения, жившего на территории Сибири в эпоху “каменного века” и более поздние периоды. В связи с решением этой проблемы стоит и другая не менее важная проблема, касающаяся происхождения американского человека, над которой работают датско-американские археологи. Группа выдающихся американских ученых неоднократно указывала на своевременность археологических и антропологических работ на Крайнем Севере СССР, так как здесь, по их мнению, находится ключ к разрешению важнейших проблем азиатско-американского населения в далеком прошлом» [Вяткина 1935: 116].

За четыре месяца полевых исследований А.П. Окладников провел археологические разведки около двухсот памятников, но делать смелых выводов о древних связях предков народов Амура и Аляски он не стал. В начале 30-х годов в советской археологии господствовала «теория стадиальности», которая противоречила не только научным данным, но и здравому смыслу. По этой теории, после изменения формы хозяйства у населения определенной территории происходило изменение его материальной культуры, а затем языка и этнической принадлежности. Если «теорию стадиальности» применить к населению конкретной территории, то получится, что после того, как древние греки где-нибудь в Крыму перешли от земледелия к скотоводству, они изменили свою материальную культуру, затем язык и из греков превратились в другой народ — в скифов или еще кого-то. То, что «теория стадиальности» противоречила письменным источникам, данным лингви-

¹ Раскопки Василия Степановича Адрианова (1904–1936) стоянки Усть-Полуй в черте города Салехарда на полуострове Ямал.

стики, этнографии, антропологии и самой археологии, несколько не смущало ее творцов. Главное было в том, что она соответствовала идеям пролетарского интернационализма.

В 1930-е годы В.Г. Богораз перестал публиковаться в европейских и американских журналах и утратил связи со многими зарубежными коллегами. В 1933 г. в журнале «Советская этнография» он опубликовал перевод статьи Ф. Боаса «Задачи антропологического исследования» [Боас 1933] вместе со своими комментариями, в которых подверг резкой критике «эмпиризм» и теоретические взгляды своего американского коллеги [Богораз 1933]. Один из родственников Ф. Боаса был выходцем из России, он перевел эти «комментарии», после чего Ф. Боас прервал переписку с В.Г. Богоразом. В 1935 г. Н.Г. Шпринцин и Н.И. Гаген-Торн отправили письма многим зарубежным ученым с просьбой отозваться на 70-летний юбилей В.Г. Богораз и прислать ему поздравления. В.Г. Богораз получил поздравления от В.И. Йохельсона, К. Биркет-Смита, В. Тальбицера, П. Риве и др. Ф. Боас на эту просьбу не ответил, но в январе 1936 г. написал В.Г. Богоразу официальное письмо. Он сообщил, что договорился с администрацией МААЭ об отправке в Ленинград мексиканской коллекции, полученной во время археологической экспедиции в Аскапоцалько в 1912–1914 гг. Как уже отмечалось, в 1913 г. МАЭ совместно с МААЭ и КМЕИ профинансировал эти раскопки.

Вероятно, Ф. Боас хотел рассчитаться по своим старым обязательствам перед МАЭ и поставить точку в деловых отношениях с В.Г. Богоразом, высказывания которого выходили за рамки научной критики. В одной из последних статей В.Г. Богораз писал: «Начиная эту работу, я не имел никаких агрессивных намерений против американских и датских ученых, со многими из которых я связан долговременным и дружелюбным знакомством. Тем не менее при обозрении соответственной литературы мне пришлось высказать несколько суждений, конечно, направленных отнюдь не против отдельных людей или групп, а против того псевдонаучного подхода к явлениям общественной жизни, который типичен для всей буржуазной науки и отличается, с одной стороны, ползучим эмпиризмом, случайным и любительским подбором материала, а с другой стороны, культурным чванством европейского колонизатора, холодным равнодушием к самым вопиющим безобразиям империалистов, крупных и более мелких» [Богораз 1936: 198].

10 мая 1936 г. В.Г. Богораз скончался. На его смерть телеграммами и письмами с соболезнованиями откликнулись Ф. Боас, К. Биркет-Смит, В.И. Йохельсон, П. Риве и др. Ф. Боас писал: «Это не только личная потеря, которая наполнила меня печалью, но также сознание, что наука потеряла одного из наиболее остроумных творческих наблюдателей. Литературные способности выделяли его среди других. <...> Я столько лет работал с покойными Штернбергом и Богоразом, как еще до сих пор работаю с Йохельсоном, что для меня эта потеря особенно чувствительна» (цит. по: [Шпринцин 1936б: 224]).

Подводя итоги деятельности В.Г. Богораза по изучению азиатских эскимосов, отметим, что в 1934 г. он опубликовал грамматический очерк по их языку [Богораз 1934]. В 1936 г. вышла статья В.Г. Богораза по сравнительному изучению фольклора, где он дал свое толкование происхождения тотемизма: «Звериный самец приходит к людям, сходится с женщиной, которая приживает от него ребенка — полужвериного, получеловеческого. Именно таким образом зверь становится тотемом, тотемным братом, отцом, тотемным прародителем данной группы людей» [Богораз 1936а: 32]. В 1934, 1939 и 1991 гг. на русском языке издали три части монографии В.Г. Богораза «Чукчи», впервые опубликованной в США [Богораз 1934а, 1939, 1991]. Несмотря на то что эта работа посвящена чукчам, в ней содержится описание отдельных элементов традиционной культуры азиатских эскимосов. В 1941 г. планировалась к изданию монография В.Г. Богораза «Культура народов Севера». Вероятно, был напечатан контрольный экземпляр этой книги: на нее есть ссылки с указанием страниц в работе М.А. Сергеева «Малые народы советского Севера». В 1949 г. были опубликованы монография В.Г. Богораза по языку азиатских эскимосов [Богораз 1949] и статья, посвященная играм народов Севера [Богораз 1949а].